

О ФИЛОСОФИИ ВЫБОРОВ: СТОРОННИЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. В статье речь идет о таком практически общемировом явлении и концепте, как выборы. Автор предпринимает попытку рассмотреть их с разных физических и мировоззренческих ракурсов, временных и пространственных точек зрения, анализируя суть и содержание выборов. И таким образом пытается вникнуть в историю и первоначальное значение выборов посредством детализации их особенностей. В тексте отстаивается тот взгляд, что выборы, временами из-за долгого использования не всегда в благовидных целях кажущиеся неким добавлением к государственной и общественной бытийности, испещренные глубинными проблемами, а может быть, и почти неизлечимыми болезнями, во всех реальностях, включая актуальную действительность, являют собой величайшее подспорье эволюции людского сообщества.

Ключевые слова: выборы, демократия, общество, государство, история выборов, суть выборов, содержание выборов, цель выборов, восприятие выборов.

ON THE PHILOSOPHY OF ELECTION: AN OUTSIDE VIEW

Abstract. The article deals with such an almost universal phenomenon and concept as elections. The author makes an attempt to consider elections from different physical and ideological angles, temporal and spatial points of view, analyzing their essence and content. And in this way, he tries to delve into the history and original meaning of the elections by detailing their features. The text defends the view that elections, which at times, due to their long use not always for plausible purposes, seem to be a kind of addition to the state and social existence, speckled with deep problems, and perhaps almost incurable diseases, in all realities, including actual reality, are the greatest help in the evolution of the human community.

Keywords: elections, democracy, society, state, history of elections, essence of elections, content of elections, purpose of elections, perception of elections.

*Знаю, что о политических материях
мне высказываться неуместно,
но, может быть, позволительно добавить,
что не верю в демократию,
диовинное извращение статистики.*

Хорхе Луис Борхес.
Из предисловия к сборнику стихов
«Железная монета» (1976)

Начнем с того, что выборы, воспринимаемые, пусть и как краеугольный, но все же как всего лишь элемент демократии, намного старше последней. Здесь ситуация примерно такая же, как и с обществом и государством. Государству, притом в любых его формах и проявлениях, от силы тысячи лет, возраст общества может исчисляться десятками тысяч лет. Как не может быть никакого сомнения в том, что *выборы породили демократию*, а не наоборот, так и государство — результат эволюции общества и никак иначе. В то же время каким-то чудесным образом в обеих ситуациях *порождения оказались ведущими*, загнав собственные источники в свой глубокий тыл, и практически всякий раз обращаются к ним исключительно при необходимости, то есть как к подручным средствам. Говоря по-другому, и в случае с демократией, и в случае с государством, телега прочно встала впереди лошади и диктует ей условия. Никому не придет в голову сакрализировать социум, то есть придавать некую святость обществу, а тем более выборам. А слова «демократия» и «государство» разве что с заглавных букв не пишутся. В некоторых странах одной лишь ссылкой на демократию можно заканчивать любые дискуссии на тему справедливости, а иногда и морали. В других (в преобладающем большинстве) аналогичная роль принадлежит государству. Между тем как общество, так и выборы являют (не представляют, а именно являют) собой те фундаментальные основы, на которых зиждутся не только государство и демократия, но и вся — как государственная, так и социальная — бытийность. Без демократии выборы (возможно, не в такой разностильной форме, как в наше время) существовали в течение целых эпох; без государства общество развивалось изначально и до относительно недавних времен; но как без выборов нет демократии, так и без общества невозможно государство.

Выборы сопровождают человечество с того периода истории, когда людские группы, коллективы, роды, племена, родовые и племенные объединения обзавелись социальной характеристикой, став сообществами и обществами, то есть едиными целыми. Независимо от того, как они выглядели, в каких условиях и каким образом зарождались и функционировали, им невозможно

было *обойтись без того, чтобы выбирать*. В одних случаях выбирали путь, в других — цель, в третьих — задачу, притом каждый раз в широком для себя смысле слова. Понятное дело, что *выборы возникли из выбора* — сначала из частного, а затем и из общего. Главное в том, что выборы, будучи природным, а значит естественным явлением, произошли и развивались таким же естественным путем примерно так же, как мораль и порядок. Обладая защитными для общества свойствами в качестве одного из базовых элементов порядка, они эволюционировали из первичного своего состояния *потребности*, а затем и самобытного, самостоятельного явления до уровня *понятия*, а далее — *концепта*, заключающего в себя массу характеристик, важных, а местами и временами необходимых для социального развития.

Изначально, еще в виде частного выбора, выборы являлись *определяющим фактором*. Разумеется, на то, чтобы стать *ведущим явлением*, им понадобились многие тысячи лет. Но характеристики определителя и ведущего, однажды ими полученные, стали имманентными свойствами выборов навсегда. Здесь более чем важно отметить один момент: мы выбираем при любых стечениях обстоятельств, — естественно, что, и выбирая выбираем, но выбираем и отказываясь от выбора. То есть практически каждое наше решение связано с выбором. Именно по этой причине возникновение выборов, как социального средства изменения, трансформации, реорганизации, реконструкции общества, оказалось должным итогом общественной эволюции. Хотя есть и такое мнение: «Выбор — это неблагородный императив. Всякая философия, которая обрекает человека на осуществление его воли, может лишь повергнуть его в отчаяние. Потому что, если для одного сознания нет ничего более лестного, чем знать, что оно хочет, то для другого, темного и витального сознания (не-сознания?), которое ставит счастье в прямую зависимость от бесперспективности воли, наоборот, нет ничего более завораживающего, чем не знать, что оно хочет, быть свободным от выбора и отвращенным от своей собственной объективной воли. Лучше поддаться чьей-нибудь незначительной прихоти, чем застыть в нерешительности перед своей собственной волей или необходимостью выбора» [1, с. 136].

Одно из особенных свойств выборов заключается в том, что они — *часть того порядка*, который складывался в течение всей истории человечества и по большому счету послужил главным детерминантом людской цивилизации. Это свойство никуда не девалось и никуда не денется. Как тот изначальный порядок, который развиваясь, преображаясь, совершенствуясь и проходя через многие катастрофы, катаклизмы, вызовы, революционные скачки и реформы, сохранил себя (хотя и временами действует подспудно) и при необходимости проявляется в полной мере, так и выборы никаким технологиям неподвластны, правда, только по большому счету. Если уподобить общество морю, то посредством выборов оно демонстрирует свое

актуальное состояние, — в одни времена наступает, в другие отступает, во всякие исторические периоды продолжая свое развитие.

Говоря иначе, важнейшая (а возможно, и главная) *дефиниция выборов* в том, что они являют собой некий *определиватель*. И то, что они на каком бы уровне ни было *определяют*, имеет высочайшее значение как для общества, так и для государства. Это своего рода социология, но только своего рода, так как итоги выборов — это не только знание и вовсе не сведения, а вектор развития общества, сообщества, а нередко и страны. По данной проблеме орфографическая этимология выборов нам ничего не даст. Это тот случай, когда слово, термин, а тем более понятие намного больше, чем они выглядят и представляются. Как слово «выбор», так и слово «выборы» можно без особых усилий обесценить, подменить, дискредитировать, но их содержание, а особенно суть, *не подлежат искажению*. Сложно сказать, были ли выборы некой находкой, интуитивной догадкой или результатом долгих поисков. Но то, что они, в отличие от того же жребия, который на первый взгляд может казаться более объективным фактором, заключают в себе *разумное начало*, состоящее в том числе и из *логических размышлений*, очевидно. И до первого, и до второго человечеству нужно было дорасти. Судя по тому, какое значение придается выборам в большей части ойкумены, этот рост по сей день продолжается, преодолевая множество самых разных объективного и субъективного рода препятствий.

Ко временам, когда выборы обрели значение *понятия*, они прошли довольно долгий путь от *потребности*, опирающейся на рассудок, до *необходимости*, возникающей из умственных соображений. Параллельно рос и человек, как *член общества и избиратель*. Его путь, продолжающийся по сию пору и которому суждено продолжаться не один век, был не менее сложным. На уровне состояния индивида ему был доступен лишь врожденный *частный выбор*, полученный им от природы в качестве защитного средства, в большей степени исходящий из инстинктов, чем из рассудка. Для того, чтобы получить в свое распоряжение доступ к *общему выбору*, то есть к *выборам* практически в современном понимании, он должен был обладать индивидуальностью. Иначе говоря, внутри себя *поменять волю на свободу*, а значит, ступить на путь, ведущий к тому, чтобы стать *личностью*, — достичь того уровня, когда человек способен *оперировать* в том числе и понятиями и концептами. А в данном случае, разбираться хотя бы в содержании выборов.

Надо сказать, что выборы только кажутся простым делом. Даже за самим этим обозначением кроется намного больше смыслов, чем мы можем полагать. В определенном понимании выборы — это *спасательный круг*, брошенный человечеству, можно сказать, на все возможные случаи. Использование выборов в качестве подручного инструмента, некой технологии, средства

«терапии», отвлекающего фактора в личных, корпоративных, сиюминутных целях и так далее чуть ли не до бесконечности, это то же самое, что применение микроскопа или компьютера для забивания гвоздей. *Внутри выборов* содержится не только надежда на лучшее будущее, но и *проекты, риски, смыслы, формации и трансформации*. Они не то чтобы способствуют, а скорее всего должны способствовать тому, чтобы выявить и вытащить из глубинных пластов социума умения, навыки, таланты, возможности, ресурсы и многое другое, и поставить все это на службу обществу, народу, стране, а в конечном счете всему человечеству. При этом сказанное — лишь малая часть того, что хранится в *содержании выборов*. Выборы обладают *исправляющими, корректирующими, редактирующими свойствами*, которые могут находиться в постоянном действии во избежание каких бы то ни было ошибок. В выборах заключены *направляющие качества*, если выразиться иначе, то они способны не только высмотреть путь, но и избрать его вектор. *Базой данных*, которой обладают выборы, в одиночку никто не может обладать. *Знания*, содержащиеся в выборах, в некотором смысле бесконечны. Выборы во всех случаях *ориентированы на будущее*, одновременно они опираются на настоящее и прошлое, — при этом как будущее, так и настоящее и прошлое должны восприниматься *масштабно*. Под оболочкой выборов скрывается практически *весь потенциал* разумной цивилизации, в отношении которого выборы выступают в качестве шлюза, — могут закупорить его на веки вечные, а могут и раскрыть в полной мере.

Сами по себе выборы — это всего лишь *конструкция*, а выбор, как их составная часть — *действие*. В течение многих веков они в основном в таком качестве и применяются. О конструкции разговор может быть только особым, но нужно иметь в виду, что, как действие, выбор многогранен и позволяет использовать себя в самых разных, зачастую и совершенно противоположных и противоречивых формах, форматах, качествах, видах и даже в подобиях и образах. Он так устроен, что из него ни при каких обстоятельствах *ничего не убывает*. Убывает из того общества или организации, которые воспринимают его как инструмент влияния, воздействия на массы, введения их в определенное (каждый раз разное) заблуждение, достижения банальных целей, выполнения примитивных и эфемерных по своей значимости задач и так далее. В этом же качестве (как действие) выбор обладает возможностью возвращаться множество, а в некоторых ситуациях бесконечное число раз и совершиться так, как будто он совершается впервые. Посредством именно этого обстоятельства *упрощается* вся структура и инфраструктура конструкции, в том числе и отношение к ней, то есть к выборам.

Важно отметить, что в целом демократия, *более высокий уровень* формы правления, чем, например, монархия, диктатура, автократия, тоталитаризм. Скорее всего в данном смысле демократия, сначала М. де Доминисом

в XVII столетии [De Dominis M.-A. De republica ecclesiastica pars secunda. Frankfurt, 1620. Цит. по: 2, с. 134], а затем У. Черчиллем в XX веке, была обозначена как лучшая из худших. Причина кроется не в возрасте отдельных форм правления и не в том, что каждая из них в тех или иных ситуациях «натворили», а в их *генезисе*. Судя по тому, что история монархий полна трагических событий, ни одна из когда-либо существовавших диктатур и автократий «добром не заканчивалась», а тоталитаризмы, для которых любое отступление смерти подобно (здесь срабатывает синдром велосипедиста — едешь, пока едешь, если остановишься, обязательно упадешь), и они прямым путем ведут к катастрофе, то данные формы власти интеллектуально обоснованы максимум *на уровне рассудка*. А демократия, *позволяющая отступить, остановиться, оглянуться и даже начать все сначала*, порождена и базируется на здоровом смысле. Ее, как, впрочем, и выборов, «ахиллесова пята» в том, что она, конечно, не так же, как наличествующие формы правления, а по-своему, но все-таки интеллектуально недостаточно состоятельна. Ей не достает более высокого уровня сознания, — если не мудрости, то хотя бы ума.

Но даже исходящая из здравого смысла демократия в состоянии обеспечить *идеальные выборы*, которые, в отличие от демократической триады — народа, власти или оппозиции [3, с. 157–199], *могут быть идеальны сами по себе*. В «чистом» виде выборы не подвержены ни политическим болезням, ни социальным предубеждениям, ни этническим предрассудкам. Более того, и в плоскости рассудка выборы *не допускают неисправимых ошибок*. Их лишает совершенства все наносное, — здесь речь может идти не только о технологиях, работающих исключительно по заказу. Наносное скрыто глубже, притом только в том числе в состоянии обозначенной чуть выше триады. Чтобы обнаруживать его, а тем более, чтобы выкорчевывать, нужно копать в сторону истории и культуры, воспитания и образования, а если быть более точным, то в направлении *качества общества*.

Самобытность выборов происходит из того источника, что они представляют собой определенную *разновидность правды*, — не истины, которой почти при каждом ее упоминании придается некая святость, а правды, пребывающей, существующей и действующей в людском бытии. Как в отношении правды, так и касательно выборов, привнесение *любой примеси лжи* не просто меняет их содержание, а *лишает их сути*. Не то чтобы лживых выборов не бывает, их-то как раз предостаточно, просто в реальности лживые выборы не являются выборами. И дело не в легитимности или в нелегитимности, — все намного глубже и значительнее. Ложь, используемая в выборах в качестве чего бы то ни было, — хоть во благо, хоть во имя правды, не только лишает социум *доверия*, но и оказывает воздействие непосредственно на *ментальность* как отдельных людей, граждан и избирателей, так и в целом

общества. Внедрение лжи в суть и содержание демократии, следовательно, и выборов приводит к тому, что перечни существующих (то есть реальных) и обсуждаемых проблем как отдельных социумов и стран, так и в общем цивилизации, кардинально разнятся.

Можно не сомневаться в том, что очень многое зависит от того, как проводятся выборы. Как правило, это *событие*. Для тех, кто выбирает, — одного уровня событие, для тех, кого выбирают, — другого. Первые, то есть те, кто обладает *активным избирательным правом* и выбирают, в основном *пассивны* и воспринимают выборы по-разному, но если не большей, то весьма значительной частью как не свое дело. Со вторыми, наделенными *пассивным избирательным правом*, значит, теми, кого выбирают, ситуация противоположная, к тому же именно она и обязывает, — выбираемые обычно *активны*, притом нередко более чем активны. Во всех известных случаях выборы проводятся государством и действующей властью, то есть заинтересованной стороной. Это обстоятельство не может не наводить на размышления, но политическая система в нашем мире устроена таким образом, что тут вроде все логично и проводить их больше некому. Но есть момент: при *проведении выборов незаинтересованных сторон не бывает*, при этом необходимо учесть, что власть и государство в данном случае заинтересованы в тех или иных итогах выборов в гораздо большей степени, чем общество. Это естественно, так как в отличие от социума, для которого эти итоги важны, но в определенном смысле как нечто опосредованное, их (государство и власть) электоральные результаты (по сути статистика) касаются напрямую и непосредственно. Для власти выборы имеют весьма радикальное значение, а если сказать точнее, то нередко это, пусть и не в прямом смысле слова (хотя бывает всякое), но вопрос жизни и смерти.

Возможно, *пафос*, которым зачастую окутываются выборы, с этим моментом и связан. И он в ситуации с выборами выступает одной из так называемых избирательных технологий. Важно не само наличие пафоса, — он всегда присутствует, важен его *градус*, посредством которого выборы можно сделать более или менее привлекательными, важными, необходимыми, а в некоторых случаях — наоборот, ненужными, лишними, дорогими в финансовом смысле. Здесь пафос функционирует почти рука об руку, с одной стороны, с сакрализацией, с другой — с дискредитацией выборов. Как бы там ни было и во имя чего бы он ни применялся, этот самый пафос — не простое излишество, он прочно входит в число того наносного, что призвано лишить выборы их содержания, а то и сути. То есть в случае с выборами пафос может играть только отвлекающую роль, а это значит, что он здесь не более чем средство политической «терапии». Как и в случае с пафосом, необходимо иметь в виду, все подобные средства и инструменты

применяются, более того могут быть применены исключительно с соизволения власти, а то и непосредственно при ее активном участии. Применением похожих элементов, моментов, приспособлений, основ, орудий, установок, симулякров политические технологии (а вместе с ними так называемые политтехнологии) прикрывают свою паразитирующую роль *операционными действиями*. Разговор о подобных средствах мы неслучайно начали с пафоса. Проблема в том, что пафос функционирует как некая аура, в которую без особых усилий вмещается все то, что не совсем сочетается с термином «технологии», — тут и любовь, и счастье, и святость, и прекрасное прошлое, и яркое будущее.

Посредством пафоса практически любые выборы можно превратить в *зрелище или праздник*, отодвинув их истинную суть даже не вглубь, а в некие задворки. И таким образом, что выборы — главное событие — становятся дополнением к празднику, к тому, что порождено и организовано под их прикрытием. Одно из самых рациональных дел общества, впрочем, и всего народа, мановением руки (через технологии) лишается своей значительности. Из них вынимается тот самый определяющий момент, следовательно, выборы упрощаются, превращаясь в нечто банальное, не столь важное, второстепенное. Важнейшая *гражданская акция* становится обыденностью, которая может быть обозначена одной лишь «галочкой». Здесь важен момент, во-первых, допущения того, чтобы выборы стали праздником, во-вторых, особенностей такого, можно сказать, самостоятельного явления, как праздник, который может не только расширяться, охватывая какие угодно пространства, но и подмять под себя чуть ли не всякое дело. Превращение выборов в праздник в большей степени психологическая технология, чем избирательная или политическая. Обычно в качестве благовидного предлога для подобных деяний применяется *явка избирателей*, которая зачастую выступает разновидностью выбора (не выборов).

Гонимый, неприятный, отвергаемый, в какой-то мере неприличный для гражданина *абсентеизм* во всех случаях представляет собой если не выбор, то как минимум сигнал конкретному адресату. Выборы в существенной мере являют собой *диалог*, а в идеальной вариации — просто *разговор между обществом и властью*. С данной позиции высокая явка и низкая явка не могут приниматься в качестве статистических показателей. И то, и другое что-то значат. При низкой явке избиратели не просто граждански не активны или не хотят голосовать, — тем, что не голосуют, они пытаются достучаться с чем-то, что не могут донести через голосование, точнее, собственное волеизъявление. Понятно, что почти всякий раз дело ограничивается наиболее удобной *интерпретацией*, но примерно так же обстоит дело и с высокой явкой, которая с одинаковой вероятностью может означать как согласие (массово голосуют «за», чтобы продемонстрировать одобрение), так

и несогласие (голосуют «против» в знак протеста) социума с государством. Одно точно, люди в большинстве своем ходят на выборы не за праздником, и тем более не за зрелищем.

Электорат не как правило, а практически всегда видит в выборах определенную *цель*. Притом речь необязательно может идти о частных интересах. Вопреки досужим представлениям, преобладающее большинство избирателей прекрасно понимает значение выборов именно в масштабном восприятии. Другое дело, что, к сожалению, цели социума и властей предрержащих редко совпадают. Опять же вопреки распространенным мнениям, электорат, отвечающий не только за собственную судьбу, но и за будущее детей, внуков, да и вообще потомков, видит дальше, чем власть, основная цель которой почти во всех случаях заключается в продлении своего пребывания на «троне». Нет необходимости в каких-то грандиозных социологических исследованиях, чтобы разобраться в очевидности того, что у избирателя, который, как говорят ученые мужи, является *«главным действующим лицом выборов»*, и государства, как их *организатора*, перспективы разные. Чтобы убедиться в этом, достаточно задать соответствующий вопрос самому себе, как избирателю, и попытаться на него максимально честно ответить.

Впрочем, можно обойтись и без внутреннего диалога. В том, что ожидания власти (любого уровня) и электората (любого качества) от выборов принципиально разные, сомневаться не приходится. *Граждане* в основном полагают, что выборы должны приводить в первую очередь к улучшению бытовых условий, повышению качества жизни и общему благополучию, — разумеется, *каждый по-своему и как бы «со своей колокольни»*. О национальных интересах и государственных задачах они тоже думают, но большей частью — *в контексте собственного бытия*. *Государство* как организация рассуждает иначе. Для него на первом месте стоят *проблемы национального уровня*. *Власть* исходит из собственных интересов, то есть рассматривает выборы как *возможность продления своего правления*. Но как государство, так и власть, воспринимают не только материальное состояние, но и в целом благополучие общества в контексте собственных задач. То есть в логике их ценностей качество жизни людей занимает не первое место. Возможно, и не второе, так как здесь многое (если не всё) зависит от громадного числа обстоятельств, которые обществу практически неведомы. Ни то, ни другое, ни третье секретом не являются. В то же время *транспарентность выборов* может иметь отношение к их организации, обычному пафосу, избирательным или политическим технологиям, но никак не связана с целями и задачами выборов.

Здесь выборы оказываются перед непростой задачей. Дело в том, что в конечном счете они должны каким-то образом способствовать достижению всех обозначенных результатов. Бывает, что им это в той или иной мере удается. Но только в той или иной мере. Проблемой выступает то, что рвы,

овраги, ограды, заборы, преграды и всякие иные препятствия, прорытые, проложенные, воздвигнутые (намеренным, естественным, традиционным или каким-то иным образом) между обществом и властью, и особенно между обществом и государством, *практически непреодолимы*. Нельзя сказать, что граждане и власть пребывают по разные стороны баррикад, — до этого, если даже подразумевать условные баррикады, редко доходит из-за огромного значения, во-первых, *крови и почвы*, во-вторых, *ментальной* (исторической, культурной) *общности* и, в-третьих, в силу *общей цели* в отношении страны. При изложении данной проблематики мы пытаемся как можно дальше держаться от патетики, но без нее никак не передать того, что касается реальной Родины. Как общество, так и власть и государство время от времени включают этот фактор в свои предвыборные ожидания, а то и спекулируют как им, так и на нем, поскольку выборы — это тот случай, когда победитель получает если не все, то многое.

Когда разговор заходит об итогах голосования избирателей, на первый план электорального процесса выдвигается *легитимность* выборов в целом, так как без нее не может быть легитимных — законодательно признаваемых — итогов. Юриспруденция, как и в целом всякие разновидности права, дело настолько же тонкое, как и гибкое. Но иногда — правда, очень редко, — ее гибкости оказывается недостаточно, чтобы добиться этой самой легитимности. А это почти каждый раз оборачивается неприятностями, масштабы которых зависят от множества условий, в том числе от места и времени проведения избирательных кампаний. Проблема легитимности выборов (хотя это касается не только избирательной практики) в том, что при определенных обстоятельствах она может разворачиваться, словно клубок, раскрывая электорату как подводные рифы, так и укромные уголки не только электоральной структуры, но и всей политической системы государства. Тут очень важны сроки, — в одних случаях они могут тянуться, пока обходятся рифы и убираются тайные места, в других — сворачиваются молниеносным образом, фиксируя, подтверждая, утверждая и, значит, узаконивая как сами выборы, так и их результаты. Важна *управляемость* выборов на каждом из их этапов. Большинство избирательных технологий ориентированы именно на нее. Как бы там ни было, примерно так же, как выборы обладают *защитной функцией* по отношению и к обществу, и к управленческой (государственной) системе, так и легитимность, которая сама по себе находится под охраной закона (очень часто — основного закона, то есть конституции), служит *защитным щитом* для выборов.

В отношении электоральных вопросов дело редко обходится одной лишь легитимностью. Бывает так, что для определенного контингента или сегмента избирателей последняя не служит доказательством *справедливости* выборов. На подобные случаи в политике в том числе существует далеко не

универсальное, но весьма эффективное явление *сакрализации*, которая находится в одном ряду с такими концептами как канонизация, мифологизация, мистификация, символизация, которые в бедном интеллектом политическом пространстве применяются к месту, не к месту и к чему попало. Хотя они не везде и не ко всему применимы. Те же *выборы практически не подлежат сакрализации*. Но при острой необходимости и наличии достаточных ресурсов и возможностей (особенно если «своя рука владыка») не только одни лишь выборы, но и весь электоральный процесс от избирательной кампании до подведения окончательных итогов голосования могут быть сакрализованы. Подобное возможно исключительно на лживой основе, поэтому толка от подобных технологических «фокусов» хватает ненадолго. Здесь можно столкнуться с той же проблемой, которая возникает из-за известного расстояния между любовью и ненавистью. В случае с выборами сакрализацию от обесценивания разделяет если не один шаг, то чаще всего один-два шага. Так как репутация — дело трудно восстанавливаемое, то после неудачной сакрализации вернуть выборам их былую ценность оказывается непросто.

Вывод из генезиса выборов однозначен: люди изначально выбирали личностей или индивидов в надежде на то, что они окажутся (или со временем станут) *личностями*. Бывало, что выбирали (разумеется, не в современном значении этого глагола) одних, чтобы не выбрать других (протестное голосование). Но ни команды, ни организации, ни группы, ни коллективы не могли (и не помышляли) баллотироваться на какую-либо выборную должность. Если исходить из качественных особенностей претендентов, то лидерами родовых объединений, племен и племенных союзов чаще всего становились сильные, ловкие, храбрые, сообразительные, умные и так далее, то есть те, чьи способности позволяли организовать, вести за собой, управлять и руководить. Соответственно, *выбирали людей в лидеры* за что-то конкретное. С тех времен ситуация кардинально изменилась. Пропустим эпоху монархий, когда лидерство в людских коллективах в основном переходило по наследству, — чаще всего от отцов к сыновьям, поскольку она к предмету нашей работы особого отношения не имеет. Хотя и в те времена в человеческой бытийности выборы в той или иной форме и на том или ином уровне присутствовали. Для нас важно, кого и по каким критериям выбирают в современном мире.

Конечно же, выбирают лучших, но на свой взгляд и разумение, которые *вполне доступны формированию*. Силы здесь не равны по определению: с одной стороны электорат, с другой — система. Притом система может быть разной, — как государственной и властной, так и корпоративной и частной (нанятой и проплаченной). Поэтому на деле лучшими могут оказаться кто угодно — «герои», «авторитеты», «специалисты», «топ-менеджеры», «ученые», руками средств массовой информации (большей частью телевидения,

но здесь важную роль играет качество электората), интернет-медиа, политического бомонда, лидеров общественного мнения, популярных персон (писателей, поэтов, актеров, певцов, спортсменов и т.д.), возведенных на реальный или искусственный олимп. Но в конечном счете честный избиратель остается еще и чистым перед собой, не замечая, что он выбирает не из всего «ассортимента», а *из предложенного*.

Бывает, и нередко, что электорат *проявляя характер*, практически не обращает внимание на «подсказки» экспертов и «доброжелателей» и, поддаваясь на всевозможные уловки политтехнологов, исходит из собственных глубинных соображений и ментальных (читай — жизненных) интересов и *делает свой выбор*.

Здесь уместна ремарка, поскольку подобное в течение последнего десятилетия случалось дважды — в 2016 и 2024 годах; оба раза в США и оба раза при избрании в президенты Дональда Трампа, когда глава государства был избран в знак масштабного протеста против почти полной оторванности не только государства и власти, но и самой государственной системы и всей так называемой политической элиты от, если сказать совсем коротко, реальности. Своим выбором общество сначала намекнуло, что сложившееся в стране положение его не устраивает, а затем чуть ли не в буквальном смысле указало на то, что избранный действующей властью путь для него не приемлем [4; 5].

Сложно сказать, понимали ли избиратели, что этим самым они обрекают себя на преодоление множества трудностей, а если быть более конкретным, то и вовсе на долгий период беспорядка, но судя по тому, что они свой вердикт повторили второй раз, то осознание ситуации достаточно глубокое. Это выглядит как возвращение с половины неверного пути в том смысле, что подобное спонтанным образом не делается, на него нужно было решиться. Если американский «эксперимент» удастся, возможно, в недалеком будущем современную демократию ждет некая «*трампизация*» выборов. А может быть, мы столкнемся с новой «модой», как в случае с популизмом, практически в одночасье ставшем политической «эпидемией», — появится множество политиков, пожелавших стать «трампами». Здесь будет к месту отметить, что протестные выборы — вполне распространенное явление, но в рассматриваемом контексте результат такого голосования по специфическим, в то же время объективным причинам более чем предсказуемо должен был сказаться и все больше сказывается на ситуации почти со всей цивилизацией. Об этом свидетельствует и новая политическая и экономическая повестка мира, которая все сильнее лишается какого-либо порядка.

Нередки случаи, когда люди выбирают не личность, а *роль*, которую, имея на то те или иные основания или вовсе безо всяких оснований сами же присваивают или приписывают определенным индивидам. То есть голосуют

не за субъектов, а за собственные ожидания. Роли в подобных ситуациях могут быть самыми разными, да и индивидами, выбранными на позиции их носителей, может оказаться практически кто угодно. Уровень выборов здесь особого значения не имеет. С завидной регулярностью на самые высокие должности избираются люди, обладающие внешней привлекательностью, хорошо говорящие, в чем-то отличившиеся, так называемые «харизматики», просто интересные, то есть, по сути, случайные персоны. Зачастую их политический век бывает недолгим. Да, потерянного времени не вернешь, но здесь присутствует немаловажная деталь.

Выборы, кроме всего прочего, обладают *воспитательной и образовательной функциями*. Человек устроен так, что может научиться чему-то на чем угодно, а лучше всего у него получается учеба на собственных ошибках. Понятно, что *электоральные ошибки*, особенно в тех случаях, когда они допускаются обществом, практически неисправимы, но *опыт* — как положительный, так и отрицательный — во всех ситуациях имеет значение. Выбирая не судьбу и будущее, а «добро», «зло», «лучших», «худших», «своих», «чужих» и всякие иные симулякры, избиратель, в сущности, отказывается от возможности быть субъектом собственной бытийности. Желających помочь ему ошибиться обычно более чем достаточно. Электоральным ошибкам способствует и разрозненность интересов как различных слоев, сегментов, страт, возрастных групп, так и государства, власти и общества.

Это общемировая проблема, которая довольно ярко проявляется в функционировании *партийной системы*. В существовании самих партий ничего плохого нет, — они служат тому, чтобы структурировать *политическую систему*. Притом не более того, так как идея о том, что *политические партии* имеют какое-то отношение к гражданскому обществу, практически безосновательна хотя бы потому, что любая партия может находиться исключительно внутри политической системы, — это среда ее обитания, а *гражданское общество по определению вне политики*. Но дело не только в этом. Как бы это парадоксально ни звучало, политические партии и с демократией связаны более чем опосредованно, можно сказать, только на вербальном уровне, — каким-то чудесным образом когда-то то ли народная молва, то ли политические технологии отнесли партийную систему в сферу демократии и придали ей характеристику причастности к народовластию. Якобы партии представляют даже не общество, а народ. Более того, все политические партии без исключения *функционируют в системе государства и власти*, где они себя и представляют. А вне этой системы они — *представители государства*, являющиеся претендентами на власть как птенцы конкретного «гнезда». А что касается связей партий с народовластием, то лучшей иллюстрацией для их демонстрации может быть ситуация с *внутрипартийной демократией*, в которую, судя по видимой части внутрипартийной

обстановки и время от времени просачивающейся из нее информации, слово «демократия» не вписывается.

Упоминание политических партий в контексте выборов неслучайно. Проблема в том, что именно благодаря им образовалась по сути своей *антиэлекторальная пропорциональная* избирательная система, где пропорциональность присутствует в качестве «красного словца». По данной системе граждане выбирают не людей, индивидов или личностей, а организацию, внутри которой пребывают зачастую совершенно неизвестные избирателю субъекты. Так называемый *партийный список* может включать в себя кого угодно. Получается, что электорат обязан верить партии на слово, что представляемые ею персоны в качестве возможных «слуг народа» по своим образовательным, культурным, мировоззренческим, профессиональным и каким-то иным качествам соответствуют его ожиданиям. Здесь явно кроется некая фикция, с которой избиратель как бы должен, притом по определению, мириться. Будем откровенны, если рассуждать без лукавства и не спекулируя исключениями и частностями, то пропорциональная избирательная система явно противоречит одному из главных свойств демократических выборов — *прозрачности*, а при внимательном изучении больше напоминает *технологию*, чем избирательную систему. На одной лишь этой основе ее можно вносить в перечень тех наносных факторов, которые лишают выборы доверия электората.

Нельзя забывать о том, что во всем мире и во всех странах *выборы проводятся государством*. Именно оно уполномочено *посредством и силами своих структурных элементов* назначать, организовывать и проводить выборы, принимать и утверждать, а при необходимости отменять их результаты. Хорошо это или плохо, правильно или неправильно, логично или нет, тема отдельного разговора, но то, что присутствие в национальной избирательной системе подобных моментов бросает тень недоверия и на государственную власть, несомненно.

Мы подходим к немаловажному вопросу о том, *в чьих интересах проводятся выборы*. В масштабном восприятии заинтересованных сторон здесь две — общество и государство; власть, изображая объективность, играет на стороне обоих, но ведет только свою игру (иначе не бывает, так как это форма ее жизни). Но как государство, так и социум в некотором понимании — глобальные интересанты. Стать бенефициаром выборов надеется, рассчитывает и даже предполагает и избиратель, но для того, чтобы сбылись его намерения и надежды, продвинутой, притом если не во всех, то во многих возможных смыслах, должна быть сама политическая система. Реальными выгодоприобретателями выборов можно считать тех их участников, которые обладают *пассивным избирательным правом*, то есть субъектов, с точки зрения логики по непонятной причине стремящихся на выборные

должности, значит к незавидной участи, связанной с тем, чтобы взвалить на себя *тяжеленное ярмо бремени власти*.

В идеале выборы — дело в первую очередь избирателя, во вторую — общества, и только затем — государства. А это возможно только в той ситуации, когда совпадают интересы этих трех акторов социального и политического пространства — *единственно возможных бенефициаров* любых выборов: *национальные интересы являются продолжением общих интересов, а последние происходят из частных интересов*. Примерно так же, как общая воля — воля государства, выступает концентрированным выражением частной воли — воли граждан. Для того, чтобы подобная конструкция состоялась, избиратель — тот, который, как выше было сказано, *числится* в главных действующих лицах электоральных процессов, должен уметь не только смотреть, но и исходить хотя бы из обозримой перспективы. Но это возможно только в идеале, которого, к нашему великому сожалению, не бывает. В реальности общество и государство располагают теми избирателями, которыми располагают. В то же время *только кажется, что дело в избирателе*, когда на самом деле (и это очевидно) состоявшиеся *гражданское* общество и *правовое* государство в большей степени и с большими возможностями способны ответить на социальные вызовы, чем рядовой избиратель, на которого чаще всего возлагается практически вся ответственность за такое масштабное и определяющее дело, как выборы. Что касается других участников избирательного процесса — власти, как организатора выборов, и претендентов на выборные должности и мандаты, то они и должны действовать в своих интересах, но только в тех пределах, которые им обозначены и определены гражданским обществом и правовым государством.

Избиратель, то есть гражданин, каким бы подготовленным он ни был, не может, да и *не должен разбираться* в деталях и подробностях, а тем более в «хитросплетениях» электоральной проблематики. Ему не нужно смотреть высоко и видеть далеко, противостоять всевозможным «черным», «серым» и всяким иным технологиям, вникать в разнообразие форм голосования, следить за чистотой, честностью и прозрачностью выборов, а тем более — ориентироваться в избирательном законодательстве. Виды, формы, особенности, специфика проведения выборов, подсчета голосов, подведения итогов, избирательные технологии, партийная проблематика его могут интересовать, а могут и не интересовать. Он вообще волен в своем отношении к выборам. Его *единственная функция* в избирательном процессе — *волеизъявление, заключающееся в голосовании*. Кстати говоря, здесь *правовая культура* граждан имеет только опосредованное значение. Предположение о том, что избиратель с высшим юридическим образованием в обязательном порядке сочтет своим долгом проголосовать, такое же, какова вероятность того, что фермер, обладающий лишь свидетельством

о среднем образовании и никакого понятия не имеющий о правовой культуре, непременно откажется от голосования. Активность избирателей от уровня их правовой культуры может зависеть только в числе прочего; люди приходят на избирательные участки в дни выборов *вследствие собственной причастности* к общему — общественному и государственному — делу. Ни за чем больше.

В широком смысле слова выборы для избирателя — *форма общения с государством*, возможность быть услышанным, заявить о своем существовании, о наличии собственных интересов, проблем, идей, желаний, вопросов, способ достучаться, донести до власти свои возражения. Или наоборот — высказать согласие с тем, как действуют государство и власть. Но главное в том, что избиратель, голосуя, *принимает решение* государственного уровня (здесь уровень самих выборов особого значения не имеет), равняется государству, встает рядом с ним, в каком-то смысле и восприятии напрямую обращается к высшей власти и, значит, выступает гражданином своей страны. За простым физическим действием — опусканием избирательного бюллетеня в ящик для голосования, кроется исполнение желания возвыситься над самим собой, стать выше себя и быть причастным к по-настоящему большому делу. Но это в широком смысле слова. Ни одна политическая, психологическая или избирательная технология неспособна обеспечить подобное. Оно может вырастать только из общей ситуации — из взаимоотношений общества и государства, гражданина и власти, масштабы единых для всех целей и задач.

Ответственность за свой выбор избиратель несет *только перед самим собой*. Всё остальное по поводу гражданской позиции, правовой культуры, умения думать и тому подобное, если и имеет значение, то только вторичное. Независимо от того, есть у него правовая культура или нет, он точно знает, что результат его выбора — это его личный удел на ближайшие несколько лет, а может быть, и на долгие годы. Самообман и безответственность в отношении собственного выбора — тоже выбор. Голосует не население, *голосуют граждане*, то есть люди, по определению способные нести ответственность за себя и за свои поступки — как за действия, так и за бездействие.

Если общество в своем развитии достигло *уровня демократического голосования*, то очевидно, что оно перешло некую эволюционную грань, отделяющую его от всеобщего неведения. Значит, не только знает, что такое выборы, но и *понимает их значение*; не нуждается ни в жалости, ни в поводах, ни в опекунах. Существенная, если не бóльшая часть граждан любой страны ни разу в жизни не заглядывала в конституцию, а об избирательном законодательстве вовсе не имеет никакого понятия. Но в отношении выборов — той самой практически пресловутой гражданской позиции (пресловутой — потому что каждый голосует так или иначе или вовсе не голосует за собственные

интересы), *спрос жизненной логики и времени со всех один и тот же*. Редко кому удастся уйти от ответа. В случае чего, граждане (избиратели, притом все вместе и каждый в отдельности), общество (все общество, то есть народ) и государство (а с ним и власть) вместе отвечают если не перед настоящим, то перед грядущим временем. Разумеется, каждый из них по-своему и на своем уровне, но это не означает, что избирателю меньше достается, чем государству. Как раз он, опять же как главное действующее лицо выборов, *несет персональную ответственность* — чаще всего не за ошибку в выборе, а за малодушие, безответственность и невежество.

На выборах избиратель редко действует сам по себе. Но он и голосует не только за себя. Как говорил поэт, «никто из нас не остров», и если мы не несем ответственности за какие-то персоналии — родных, близких, то ответственны за будущее. А вот за теми, кого избирают, чаще всего стоят интересные, сторонники, команда, спонсоры. Так что еще неизвестно, кому из них легче. Но люди, участвующие в выборах с пассивным избирательным правом, в случае избрания берут на себя груз ответственности перед многими, в том числе государством и обществом (бремя власти), *только на определенное время*, а избиратель с момента своего голосования живет с ответственностью. Он может каким угодно образом пытаться оправдывать себя в случае неверно сделанного выбора (неголосование — тоже выбор), но важно то, что любой частный выбор, как состоявшийся факт, не только не забывается, но и никуда из истории общества и биографии гражданина не исчезает.

За выборами, если не считать организаторов выборов, никого нет. Государство, организующее выборы, *никакой ответственности за них не несет*, — ни перед обществом, ни перед электоратом, ни перед собой. Для него выборы — это мероприятие, государственное понимание успешности которого кардинально отличается от общественного и частного понимания. Властные структуры, занимающиеся непосредственным обустройством выборов, отвечают только за само обустройство и организацию, точнее, за их соответствие закону, инструкциям, рекомендациям и правилам. Значит, как ни крути, выборы (не как действие или мероприятие, а как краеугольный камень демократии) — это дело сначала избирателя, а затем общества. Государство ответственно за допуск в пространство выборов технологий, особенно с учетом того, что это деяние ни в одной вариации *не способствует* честности, чистоте и прозрачности избирательного процесса (особенно если назвать вещи своими именами и признать, что политические технологии во всех своих формах и проявлениях служат самой обычной и едва прикрытой лжи, вводя в заблуждение как избирателя, так и общество и государство). К власти здесь особых претензий не может быть, — *исходя из своей бюрократической сути*, она выполняет поставленное государством задание, а *исходя*

из собственной логики выбирает наиболее легкие пути, используя доступные и удобные в применении средства.

Выборные «весы» — особенные. Кто на них чего стоит, понять не так-то просто. Одно ясно: *самой тяжелой фигурой* в избирательном поле выступает общество. Именно перед ним отчитывается государство за форму, уровень, чистоту проведения избирательных кампаний. Все законы о выборах, избирательном процессе, электоральной практике разрабатываются для общества. При необходимости государство может выдавать вместо себя *абстракции и фикции*, притвориться действенным, не являясь таковым. У общества такого выхода нет, — оно не то что не имеет возможности чем-либо прикрываться и изображать из себя другую сущность, а не нуждается ни в чем подобном. Это — некая *статика, константа, глыба*, у которой есть свое неизменное место во всем доступном пространстве. Все возможные системы, структурные элементы, инфраструктурные составляющие, пути, дороги, возможности и ресурсы пребывают *в пределах границ общества*. Государство может ссылаться на те или иные обстоятельства, неумение или слабость власти, собственное недомогание, — в запасе у общества не просто нет таких умений, оно, как последняя инстанция в общей конструкции, не может ничего подобного себе позволить.

Второй важной фигурой на обозначенных «весах» является государство, главная проблема которого заключается в его интересах, не всегда совпадающих с интересами общества. Этим и объясняется отношение государства к выборам, — оно видит в них *только средство*, но в том и проблема, что выборы — это не только средство. В обществе, придерживающемся демократических ценностей и пытающемся опереться на демократию не только как на форму правления, но и как на некую основу, выборы выступают (или пытаются выступать) *ментальной особенностью*. Государство по своей *технической и механической сути* не способно оперировать такими явлениями, как ментальность или менталитет, и во всех подобных вопросах должно было бы полагаться на общество. Но для этого ему нужно *преодолеть самого себя*, что редко где получается, — государству легче строить свои расчеты на возможностях власти, чем утруждать себя сложными (или даже сложнейшими) взаимоотношениями и взаимосвязями с социумом. В рассматриваемом нами контексте данное обстоятельство приводит к *обесцениванию выборов*, вернее, их ограничению и принижению до уровня подручного инструмента.

Значение власти в избирательном процессе определяется тем, что ей принадлежит не только вся сцена выборов, но и всё закулисное. Практически всякий раз посредством выборов она стремится решить *свои проблемы*, стараясь *выдавать* их за государственные и общественные. При отсутствии или недостаточности над ней *контроля* (который может быть только общественным) ее интересы, большей частью ограничивающиеся собственным

благополучием в весьма широком смысле слова, почти никогда не совпадают ни с ожиданиями общества, ни с целями и задачами государства. В отношении выборов она больше *изображает* значимую величину, чем является. Но так как при всяком удобном случае — при «безмолвии народа» и безволии общества, работая «локтями» (так называемым административным ресурсом) и действуя через различные технологии (здесь власть точно ничем не гнушается), она добивается решения своих корпоративных задач и *выглядит* фигурой, чуть ли не равной государству.

Характеризация избирателя как «главного действующего лица» свидетельствует о том, что именно он является актором электоральной сцены, притом единственным, так как больше никому на нее доступа нет. Но на данную сцену он забирается со стороны зрительного зала, а не выходит, как положено актору, из-за кулис. Избиратель ничего не знает о той реальности (может о ней догадываться или иметь представление), которая существует в закулисе, когда власть *рука об руку* со своими подручными хоронят всякую транспарентность выборов (на самом деле, мало кому известно, что она там делает, но в голову обывателя, да и достаточно подготовленного избирателя, как правило, приходит худшее). Этот момент и *определяет его вес* в выборном процессе. Понятно, что избирателю нечего делать ни в каких закулисах. И вопрос не в том, что ему нет доступа в пространство за выборной сценой. А в том, что никакого закулисы и никакого тайного места за сценой выборов, которые естественным образом порождают неопределенности и подозрения, *не должно быть*. По той простой причине, что любые умолчания, недомолвки и недосказанности отрицательно сказываются на восприятии и понимании выборов, а если образно, то на *электоральной философии избирателя*.

А она формируется просто: гражданин с чистыми намерениями, конструктивными помыслами и с надеждой приходит на избирательный участок, чтобы, если не вершить судьбу, то *повлиять на поведение власти*, и сталкивается с тем, что в избирательном пространстве, как и всюду, *хозяйничает* та же власть (это из серии тех реальностей, когда разбирать жалобу человека бюрократия поручает тому, на кого он жалуется). Если общественная и политическая системы в стране устроены так, что граждане доверяют власти и государству, то это одна ситуация. А если нет, то — абсолютно другая, и она у избирателя порождает философию (может быть, и психологию) *неприятия выборов* и недоверия ко всему, что с ними связано. Говоря более конкретно и без недомолвок, в подобных ситуациях сами выборы способствуют формированию у людей внутреннего протеста. Он не всегда бывает высказанным и не каждый раз фиксируется в избирательных бюллетенях, но во всех случаях *оказывает определяющее воздействие* на восприятие выборов. Более того, может утвердить гражданина во мнении, что посредством

выборов его «*ведут за нос*», и таким образом содействовать формированию потенциальной ситуации социального напряжения.

Политическая система — государство и власть — обязана *ценить избирателя* как своего ближайшего союзника и всеми силами способствовать его объективности, правдивости и беспристрастности, а не относиться к нему как к потенциальной или даже явной оппозиции. Как бы ни проголосовал избиратель и как бы не вел себя в отношении выборов (может занять абсентеистскую позицию и вовсе избегать избирательных участков, может голосовать назло — как в случае с Трампом, или исходя из протестных побуждений), он своим присутствием придает политической системе *значение*, а если быть более точным, то *легитимизирует* ее. Избиратель — *одна из важнейших ипостасей гражданина*, по своей значимости она не уступает *ипостаси защитника Родины*. В действительности, голосуя, избиратель определенным образом защищает не только страну и общество от непредвиденных проблем, указывая государству и власти на их недочеты, но и *оберегает политическую систему* от нее самой, — от ее излишней самоуверенности в своей правоте. *В качестве избирателя гражданин выступает представителем* (делегатом) не только общества, но и государства, притом в выборах, от начала и до самого своего завершения организованных и устроенных государством, то есть по его правилам и на его же «пиру» (по данному вопросу уровень и качество демократии большого значения не имеют — интересы во всех случаях важнее). С учетом «весовых категорий» государства и гражданина последнему сохранить самостоятельность действий, независимость мышления, да и ту самую гражданскую позицию очень непросто. И только избирательская ипостась позволяет любому члену общества, обладающему *конституционным* активным избирательным правом, проголосовать (значит, высказаться) честно — то есть, с той или иной степенью объективности.

Готовность избирателя к волеизъявлению зависит от множества факторов. Здесь важны воспитание и образование гражданина, которые имеют существенное значение во всех ситуациях. Значим и уровень интеллекта. Но и первый, и второй, и третий факторы действенны не в первую очередь. Теоретически возможны случаи масштабного благоденствия общества (положение абсолютной защищенности, что вряд ли реально), когда люди при голосовании исходят из глубинных соображений, учитывая как *прошлый опыт и настоящее* (то есть, имеющиеся ресурсы), так и грядущие перспективы. В реальности главную базовую интеллектуальную основу человеческого выбора составляют *инстинкты самосохранения*. Конечно, не в грубой форме и только частичным образом, но именно они находятся на *переднем крае размышлений*, а значит, и *вердикта* значительной (если не большей) части электората. А это говорит о том, что конкретно к выборам избиратель,

который по определению вынужден прежде всего исходить из собственных жизненных интересов, *всегда готов*.

В каждую секунду и минуту, а тем более на каждом этапе своего пребывания на брэнной земле, индивид *знает, что ему нужно и чего бы он хотел*. В своем изначальном качестве он с этим знанием и направляется на избирательный участок, — и может проголосовать спонтанно, по настроению, исходя из своего сиюминутного состояния и под воздействием случайно промелькнувшей в голове мысли. Но человек только в одной из своих ипостасей является индивидом с инстинктивными потребностями. В других — в ипостасях члена референтной группы, этноса, общества, личности, гражданина и, наконец, избирателя, он может быть более *расчетливым и рассудительным, а то и благоразумным* в своих желаниях. В обозначенных смыслах избиратель *непредсказуем*, что и делает его исключительно важным участником электоральных процессов, которого в большинстве ситуаций *не заменить* ни пресловутыми выборщиками, ни косвенной, ни опосредованной демократией.

Настрой избирателя, как и итоги выборов, во многом зависит от контекста избирательной кампании, который — не совсем обстановка, хотя нередко именно предвыборная обстановка выступает его симулякром. Контекст, как в общем, так и в данном частном понимании, гораздо более широкое понятие, чем любая обстановка. По сути это — *пространственная и временная сцена*, на которой происходит электоральное действие. Это всё, что окружает граждан со дня начала избирательной кампании до момента подсчета голосов, подведения итогов и признания выборов действительными. И это всё то, что в непрерывном режиме оказывает воздействие на электорат во множественных попытках направлять его мысли, а в конечном счете и руку, которой он обозначает свое волеизъявление. Для того чтобы выборы не просто были признаны, но и являлись чистыми, честными и прозрачными, чистым, честным и прозрачным *должен быть контекст* избирательного процесса. Так как субъектов, желающих вносить в него свою «лепту», обычно хватает, то он должен быть *под защитой*. Но проблема в том, что среди участников выборов (включая их организаторов, которые, в сущности, являются частью электората) нет никого, кто мог бы выступить с абсолютно объективных позиций и *заслужить доверие* всех заинтересованных сторон. Как правило (практически всякий раз), эту тяжелую ношу берет на себя самая сильная во всех смыслах сторона, то есть государство, притом *не спрашивая* ни у кого одобрения, чтобы в итоге явить «городу и миру» *собственную интерпретацию* электоральной справедливости.

Возможно, людская цивилизация находится на том уровне своего развития, что иначе нельзя. Хотя, наверняка, можно было бы, отказавшись от еще одной фикции избирательной практики в виде волонтеров-наблюдателей,

разделить ответственность между всеми действующими сторонами: обществом с одной стороны, избирательским сообществом — с другой, организаторами выборов (в том числе государством и властью) — с третьей, претендентами на мандаты народных избранников и на конкретные выборные должности — с четвертой, политическими активистами — с пятой, представителями партийной системы — с шестой и так далее, поскольку общественный консенсус, особенно в таком крайне важном деле, как выборы, того стоит. К тому же неприятный привкус и мутный осадок, остающийся в сознании значительной части как электората, так и общества и населения после практически всякой избирательной кампании, — *не лучшее впечатление и не лучший ингредиент* в амальгаме воспоминаний о состоявшихся выборах, и не самый желательный *стартовый потенциал* для грядущих избирательных процессов.

Очень часто (почти всегда) в качестве контекста представляется *фасад избирательной кампании*, притом тот, который содержится в приличном и свежескрашенном состоянии. *Межвыборный период* служит главным бенефициаром выборов (государству и власти) для проведения *регламентных работ* якобы по совершенствованию избирательного законодательства, электоральных технологий и внедрения в избирательную практику всевозможных новаций, а в реальности — для придания выборам более убедительных характеристик. Не просто как правило, а всякий раз подобная деятельность происходит не то чтобы в тиши кабинетов, а практически *без участия* как электората, так и в целом социума, если не считать (а считать и не приходится) обязательную, скорее всего формальную исполнительскую роль «ручных» законодателей. Даже непосредственные организаторы выборов к подобного рода действиям могут иметь в лучшем случае опосредованное отношение в качестве младших консультантов и бесправных наблюдателей.

Но фасад в данном случае — не более чем «обманка». Он не может быть даже подобием контекста, так как способен выступить максимум одной из множества его деталей. *Контекст, в том числе и в электоральной ситуации*, — это земля и небо выборов, их вода и воздух, подводные течения и тектонические плиты, и именно в такой глобальной форме, виде, качестве и свойствах *оказывает воздействие* на проведение избирательных кампаний. Организация выборов с опорой на *один лишь электоральный фасад* обрекает их на приобретение состояния видимости, имитации и симулякра. И таким образом в буквальном смысле слова *выкорчевывает, а то и выбивает* из них всю конструктивную и определяющую суть, оставляя от выборов одну лишь полупустую, а иногда и вовсе безжизненную оболочку. А внесение в избирательный контекст деструктивных моментов в виде различного рода технологий вроде популизма, откровенной и прикрытой лжи, пропаганды и тому подобного с одной лишь *целью изменения вектора восприятия* избирателей,

то есть введения их в масштабное заблуждение, может обернуться и очень часто оборачивается *глубинными проблемами и искусственными вызовами*, которые, пронизывая историю выборов и становясь ее частью, нередко охватывают долгую перспективу в развитии страны.

В вышеозначенном понимании глобальности электоральный контекст, чтобы не навредить (в одном из самых худших значений этого слова) биографии государства, *должен быть стерильным*; и только в таком своем пребывании и нахождении в общественной и политической системе может обеспечить определяющую, а значит, действенную роль выборов. А добиться такой чистоты способен лишь *тандем государства и общества*, — повторимся — государство в правовой вариации, а общество в гражданской стезе. Иначе *катализаторами* как отдельно выборов, так и всего избирательного процесса, могут выступить *одни лишь технологии*, которым вполне под силу превратить электоральную систему любой страны в свое *формальное приложение*, притом, хорошо если не в цифровое. А те факторы, которые должны служить и зачастую служат реальными движущими силами и ускорителями эволюции выборов, в частности, множественные элементы их ментальной, моральной, культурной и законодательной инфраструктуры, оказавшись в роли и состоянии *декоративных деталей*, то есть бездействуя, могут подвергнуться *естественной атрофии*. И тогда на то, чтобы вернуть им реальное значение (а это в обязательном порядке понадобится), потребуются в лучшем случае десятилетия.

Раз мы упомянули катализаторов выборов, надо сказать и об их «*химии*», так как одно из *принципиальных отличий* демократического общества заключается в том, что оно ничего важного мимо себя не пропускает, пребывая в перманентных ожиданиях. Более того, реагирует на все события, происходящие как в его пространстве, так и вне пределов народовластия в целом. Если несколько упростить, то общество, опирающееся в своем развитии на выборы и использующее для формирования различных уровней власти электоральное «сито», обладает *особой живостью* (то есть оно по определению живое и иным быть не может), само *отвечая за собственную судьбу*, никому не уступая ведущую роль, в постоянном режиме следит за состоянием механизмов власти, соответствующим образом отзывается на любые неполадки в их функционировании. В демократическом обществе ситуация упрощается тем, что сама система работает еще и как *постоянные «курсы повышения квалификации»*, порождая политических лидеров и *удлиняя «скамейку запасных»* потенциальных руководителей, чуть ли не каждый из которых при необходимости может претендовать на лидерство того или иного уровня. Условные молекулы, атомы, электроны, протоны и нейтроны гражданского общества, находясь в движении и конкурируя между собой, *разносят* элементы по всем властным плоскостям.

Несмотря на то что в структурном смысле демократическое общество трудно назвать простым, его сложно и запутать, — у него обычно есть *ответы на любые вызовы* времени. Ему есть *из кого выбирать и на кого опереться*. Гражданская суть такого социума позволяет практически наравне взаимодействовать и сотрудничать не только со средствами массовой информации и своими структурными элементами, но и с государством и властью. Описывая демократическое общество, мы в значительной степени исходим из *воображаемых и идеальных*, но в то же время, судя по опыту отдельных государств, *возможных* вариантов. Правда, возможных в тех случаях, когда демократизация, избранная страной и обществом в качестве задачи, подразумевает и проложение дороги, ведущей к соответствующей цели.

Среди опор гражданского общества одно из значимых мест занимает *ментальность* народа с весьма сложным содержанием. *Видимая и доступная обозрению и анализу ее часть* состоит в первую очередь из культуры и морали, далее традиций и обычаев, а затем — из представлений, стереотипов, убеждений, предубеждений, предрассудков, пристрастий, иллюзий, ожиданий, восприятий, пониманий, и все это каждый раз в широком смысле слова. Та сторона ментальности, которая *скрыта* зачастую не только от чужих, но и от своих взглядов, носит, как и весь менталитет, защитный характер, но со своей спецификой, и проявляется в определенных ситуациях, — *может разворачиваться всякий раз самой неожиданной стороной*. Следовательно, в отношении демократии, ее принципов, средств, ресурсов, возможностей, правил и многого другого ментальность, которая *никому и ничему не подчиняется*, способна выступать по-своему: не только принять или не принять, но и осмысливать, переделывать, трансформировать, реорганизовывать, изменять, приспосабливать и так далее. Как демократия возможна *в пределах определенного менталитета* (по сути, миропонимания), так и выборы могут быть реальными только в тех случаях, когда они как минимум *учитывают ментальность*. В любых других случаях демократия будет «страдать» всевозможными «хворями», а выборы окажутся неспособными соответствовать ожиданиям. Этот более чем сложный вопрос по установлению союза между менталитетом и формой правления (в частности демократией) может решить только *максимально развитое* гражданское общество, по определению *находящееся по одну сторону с ментальностью, и то при полной государственной поддержке*. Только ему доступны глубинные пласты народного менталитета, и только оно способно вести с ним относительно равноправный диалог.

С этим связаны и *требования к качеству организаторов выборов*. Здесь речь в первую очередь идет о персоналиях, хотя не менее важны и официально назначенные на такую роль учреждения. И те и другие должны быть *одной ментальности с электоратом*. Дело касается не доверия, а понимания,

что формирует взаимоотношения избирателей и системы (мы говорим о демократической системе, но сказанное справедливо и в отношении любых других систем правления, притом речь может идти не только об избирателях и выборах, об обществе и всяких иных взаимодействиях). Издалека трудно замечать, а тем более осознать тонкости данных взаимоотношений, — они проявляются и становятся не только видимыми, но и значимыми *при непосредственных контактах*. Вот почему демократии, установленные внешними игроками, в конечном счете оказываются неустойчивыми, а временами и вовсе бесперспективными.

Если абстрагироваться от вопросов ментальности и рассматривать роль организаторов выборов с чисто *прагматических позиций*, то придется признать, что ее трудно переоценить. Тут дело не в уровне выборов, — нередко муниципальные выборы несут в себе большую сложность, чем избрание главы государства или парламента страны. Важно то, что организаторы выборов — в некотором смысле «законодатели мод» в сфере электорального поведения. Но и это не все. Именно они, являясь чуть ли не в прямом смысле слова фасадной частью, а то и лицом избирательной системы, создают о ней как первое и второе, так третье и четвертое впечатления. Нет никаких сомнений в том, что если избиратель — *главная фигура* процесса голосования, то организаторы выборов — *его проводники*. И потому понятие «правовая культура» в большей мере относится к ним, чем к избирателям или избираемым.

Выше было отмечено, что уровень образования избирателя редко оказывает существенное влияние на его политический и электоральный выбор, — здесь обычно на передний план выходят *интересы*. Но этот самый образовательный уровень имеет существенное значение для организатора выборов. От того, насколько он подготовлен в широком смысле слова, временами зависит многое. Как своеобразный мост между избирательной системой и электоратом, организаторы выборов несут на себе *огромную ответственность* не за итоги голосования и результаты выборов, а, как бы это странно ни звучало, *за непосредственно выбор* избирателя, который не в последнюю очередь зависит от его психологического состояния в момент волеизъявления. Своим отношением к избирателю организаторы выборов могут способствовать как конструктивному, логичному и осознанному выбору гражданина, так и, пусть сиюминутному, но в то же время протестному настроению, и соответствующему голосованию. Притом речь идет обо всем периоде избирательной кампании.

Коснувшись вопросов образовательной проблематики, нам не пройти мимо такого явления, как *качество социума*, которое определяется в том числе и *уровнем воспитания и образования* граждан и имеет огромное значение для избирательного контекста. Дело в том, что между озвученным уровнем

и интересами индивида есть прямая связь. *Чем выше качественный уровень общества, тем шире интересы отдельного избирателя.* То есть воспитанный и образованный гражданин голосует исходя не только из своих собственных потребностей, но и принимая во внимание иные обстоятельства, в число которых могут входить проблемы, связанные с жизнью социума и деятельностью государства. Здесь важно, что при своем *электоральном выборе* избиратель *учитывает* в том числе и общие для социума интересы, то есть голосует более осознанно и, скажем так, *со знанием дела*. Следовательно, его выбор, каким бы он ни был, — лояльным, протестным или даже абсентеистским (когда он отказывается от голосования), *осмыслен* и имеет не только электоральное, но и гражданское и социологическое значение.

В сути электоральной проблематики существенным фактором является *восприятие* избирателем выборов, которое состоит как из знаний, так и представлений и стереотипов. Мнение так называемого рядового гражданина (слово «рядовой» не более чем штамп, — рядовых, как и простых людей не бывает хотя бы потому, что подобные обозначения в отношении индивидов некому определять) об избирательной системе может быть правдивым, в некоторой мере соответствующим действительности, сильно искаженным или просто неверным. Каждая из этих вариаций оценок вкупе с различными шаблонами и клише *имеет свое значение* и соответственным образом сказывается не только на отношении избирателей к выборам, но и на самом электоральном выборе. Здесь важным моментом выступает *представление граждан* о том, что (или кто) движет избирательной системой и, в частности, выборами. Чаще всего они совсем не против того, чтобы определяющую роль в выборах играло государство, за которым избиратель, как правило, может только наблюдать из достаточно далекого далёка, и которому он в большинстве случаев просто вынужден доверять. В то же время граждане, в повседневной жизни чуть ли не на каждом шагу сталкивающиеся с властью (а значит, оценивающие выборы через призму своих взаимоотношений с ней), обычно (ради политкорректности можно сказать, что не всегда) считают ее *недостаточно беспристрастной* и склонны усматривать в ее оперировании выборами если не частные, то корпоративные интересы (отсюда и обозначение властей предрежащих не пофамильно, а как «они», то есть не «чужие», но и не «мы»).

И все же, как бы избиратель ни воспринимал выборы, он в них *как минимум в определенной степени заинтересован*. Посредством политических технологий, в частности приданием (присвоением) ему звания главного действующего субъекта выборов делаются попытки *вывести его из разряда заинтересованных сторон* электорального процесса. Превращение избирателя в *объект выборов* вряд ли получится, — слишком уж он живой, но при необходимости для глобальных «кукловодов», которые могут не пожалеть

усилий во имя получения в свое распоряжение такого значимого ресурса, *исполнителем чужой воли* в важнейшем для себя предприятии он вполне может стать. Разумеется, вопреки самому себе; к тому же для этого всего-то понадобится внедрить в содержание демократии еще один так называемый *международный избирательный стандарт*. Другое дело, что подобным образом можно изменить вектор развития государства и как одного из важнейших элементов системы ценностей, и как системы совершенствования глобального сообщества. А в итоге — получить тоталитаризм, а точнее, отдать себя, а вместе с собой и цивилизацию, в распоряжение глобального тоталитаризма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Подобному не дано случиться, — все реки текут, и «река» различного рода «кукловодов», возникших на базе мировой олигархии, рано или поздно вольется в мировой океан людской эволюции.

В отношении того, *является ли избиратель бенефициаром* выборов в каком-либо значимом понимании, сомнения исключены. Да, он таковым не выглядит, вернее, выглядит только время от времени и более чем эпизодически. Но в электоральном контексте избиратель пребывает *в одной упряжке с обществом*, которое, в отличие от государства и власти, являющихся очевидными, при этом временными выгодоприобретателями выборов, — бенефициар во веки веков. Поясним. История показывает и доказывает, что государство, представляющее собой в большей степени понятие, чем явление («Я бы очень желал, что бы установили премию не 500 франков, а 1 миллион франков с награждением еще крестами и лентами для выдачи тому, кто дал бы хорошее, простое и вразумительное определение слова Государство» [6, с. 1]), в течение эпох много раз менявшее формы, обличья, суть и содержание, и в нынешнем своем проявлении *конечно*; с властью дело обстоит еще проще, — она выступает бенефициаром выборов *в период срока своего правления* и, уходя, уступает место, в том числе электорального выгодоприобретателя, своему преемнику.

Заинтересованность избирателя в выборах, посредством своих взаимоотношений с социумом связанного как с *историей, то есть с прошлым, так и с настоящим и будущим*, заключается и в данном обстоятельстве. К тому же *прошлое* едва ли не в буквальном смысле в нем содержится; *настоящее* является его повседневной жизнью; *будущее* — судьбой. И то, и другое, и третье — в весьма масштабных смыслах и восприятиях. Избиратель по своей, как говорится, натуре (характеру, жизненной позиции, сложившемуся положению) может быть очень далек от выборов, но он почти во всех своих состояниях *способен отличить* их от выбора. Притом, как в качестве понятия, так и в виде явления. И знает, какое значение в каждое из них вкладывается. Его настоящее — настолько же результат того или иного уже состоявшегося выбора и тех или иных выборов, ставших фактом истории, то есть

невозвратимых и неисправимых, насколько будущее может быть итогом выборов (как личных и повседневных, так и формальных и электоральных).

Для подобных пониманий избирателю необязательно дено и ношно ломать голову над формами и содержанием избирательных кампаний, следить за электоральными процессами. В идеале само демократическое общество должно способствовать тому, чтобы позиция его членов была *максимально гражданской*. Иначе говоря, причастность общему делу должна *не воспитываться, а впитываться* в суть члена социума за счет своей востребованности. Реальность, как всегда, иная: подлинному волеизъявлению, отражающему истинное мнение избирателя, приходится пробиваться сквозь множество препятствий и барьеров, порождаемых и устраиваемых «смертными грехами» — алчностью, жадностью, тщеславием и тому подобным, и складывающихся в разного рода недобросовестные политические, избирательные, юридические практики и методики, возникающие из личных, частных, корпоративных интересов. Есть надежда, что это все — *болезни роста*, которыми человеческой цивилизации удастся переболеть в какой-либо из возможных перспектив. Получилось же у нее, пройдя через всякие монархии, диктатуры, тоталитаризмы, *добратся* (додуматься) до народовластия; получится и *совершенствовать* его до такой степени, чтобы из демократии могли возникнуть более полноценный и универсальный глобальный социум и более действенная форма правления.

Выборы — ведущий элемент процесса демократизации, которому, судя по всему, отмерен *гораздо больший срок, чем самой демократии*, являющейся, несмотря на свое этимологическое значение, *государственным делом*. Главное, определяющее и имманентное (внутренне присущее, а значит, естественное или ставшее естественным) свойство выборов кроется в том, что они напрямую связаны с индивидом — *главным мировым субъектом*, породившим все рукотворное, в том числе государство, власть и все их былые, существующие и возможные формы, а через него и с обществом — высшей и наиболее надежной формой организации человеческих коллективов. Защитные механизмы выборов содержатся в них самих, — еще не придуман более надежный и действенный способ избрания власти, чем выборы. Но те опасности, которые грозят им формализацией, упрощением, превращением в имитацию и так далее, так же проистекают из электорального контекста. С данной позиции выборы *нуждаются в защите*. К тому же они выступают *главным оборонным рубежом и последним бастионом демократии*. Выбывание почвы (базовых оснований) из-под выборов, лишение их действенности и превращение в симуляцию — прямой путь к трансформации всей системы демократии в одну большую политическую технологию с соответствующими последствиями.

Защитником народовластия может выступить только общество. Возможно, на данном, более чем сложном этапе истории, это — одно из главных его предназначений. А защитить демократию можно только посредством *повышения роли выборов* в общественном пространстве. В свое время — в начале начал народовластия, выборы послужили ключом к двери, открывающей дорогу как к демократии, так и к ее развитию. Очень может быть, что общество, как разработчик и проектировщик, выступило только с идеей демократии, связав ее с выборами. Дальнейшее было делом рук последних. Ныне, когда мир практически семимильными шагами движется к глобальной катастрофе, обществу (мировому сообществу) предстоит стать *опекуном демократии* (больше некому), выборы могут оказаться важнейшим социальным инструментом, во-первых, обладающим максимальной эффективностью, во-вторых, исключаящим насилие и всякое общественное напряжение.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М., 2017.
2. Галкин И.П. Феномен абсолютизма в западноевропейской политико-правовой мысли раннего нового времени // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 4.
3. Гасанов И. Триада или демократия в идеале / Демократия: незавершенный или несостоявшийся проект. Эссе и статьи. Ростов н/Д: Росиздат, 2011. 240 с.
4. Гасанов И.Б. О победе Дональда Трампа, или Почему «город» и «деревня» голосуют по-разному // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 4.
5. Гасанов И.Б. Феномен Дональда Трампа, или Как Трампу «перетрампить» самого себя // Представительная власть: XXI век. 2017. № 5–6.
6. Бастиа Ф. Протекционизм и коммунизм. Челябинск, 2011.